

Игра синтеза и анализа, тождества и различия, притяжения и отталкивания делает единство одноморфемных коррелятов-синонимов одновременно и устойчивым, и подвижным. Синонимичные морфемные корреляты образуют не застывшее целое, но динамичное, подвижное целое, которому в равной мере присущи устойчивость и динамичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Бережан С. Г. О синонимичности однокоренных слов с разной аффиксальной частью // Лексическая синонимия. Сб. статей. М.: Наука, 1967. С. 142-151.
3. Бережан С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973.
4. Мальковский Г. Е. Лексикографические пометы семантико-стилистической равнозначности в двуязычных словарях (практика и теория) // Лексическая синонимия. Сб. статей. М.: Наука, 1967. С. 129-137.
5. Маковский М. М. Лингвистическая комбинаторика: опыт топологической стратификации языковых структур. М.: Наука, Главн. ред. вост. лит-ры, 1988. 232 с.
6. Выготский Л. С. Психология искусства. СПб.: Азбука, 2000. 416 с.
7. Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. 1472 с.
8. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования единиц. М.: Наука, 1980. 238 с.
9. Тихонов А. Н. Основные понятия русского словообразования // А. Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985. С. 18-52.
10. Заботкина В. И. Семантика и прагматика нового слова (на матер. англ. яз.): Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М.: МГЛУ, 1991. 51 с.
11. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: ВШ., 1982. 272 с.

*Елена Дюнеровна Ю —
старший преподаватель кафедры английского
языка Иркутского государственного
технического университета*

УДК 821.134.2.09

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЕРБАЛЬНЫХ СПОСОБОВ ПЕРЕДАЧИ КИНЕСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ИСПАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется испанское жестовое коммуникативное поведение и способы его вербализации. Исследование проводится на материале современных испанских художественных произведений. Рассматривается отличие семиотических речений от прагматических, а также сопоставление кинем и кинесических речений, за которыми распознается символическая информация.

Analysis of gestures in communicative behavior and how they're verbalized is based on Spanish fiction literature, where this type of non-verbal behavior is multi-meaningful. It's very important for a non-native speaker to distinguish between propositional and pragmatic meaning of the utterance, to correlate it with a certain gesture and to interpret the implicated information.

В последние десятилетия рассмотрение художественного творчества и восприятия художественных произведений как своеобразного коммуникативного процесса особо привлекает внимание исследователей-лингвистов. Ряд типичных параметров речевого взаимодействия имеет существенное значение для

литературной коммуникации, в числе которых интенции автора текста, фактор адресата, адекватность приема информации [1]. Невербальные (или кинесические) средства диалогического взаимодействия также не составляют исключение. Значительный информационный потенциал, разнообразие функций кинесических средств предопределил факт широкого употребления единиц вербализации кинесики как в устной, так и в письменной речи.

В научной литературе приводится множество различных классификаций жестовых единиц. Согласно их систематизации, проведенной Г. Е. Крейдлиным, выделяются три основных семиотических класса:

а) кинемы, имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от вербального контекста — эмблемы,

б) кинемы, выделяющие определенный речевой или иной фрагмент коммуникации — иллюстраторы,

в) кинемы, управляющие ходом коммуникативного процесса; устанавливающие, поддерживающие или завершающие коммуникацию — регуляторы.

При этом ученый отмечает, что испанская культура получила название «высокинетичной», поскольку в ней особо часто проявляется использование невербальных средств общения [2]. Способы вербализации каждого класса кинем находят отражение в художественных произведениях.

Целью нашего исследования является выявление качеств кинесических коммуникативных компонентов и рассмотрение некоторых способов их передачи при описании связи вербального языка и языка жестов в современной испанской литературе.

Анализ эмпирического материала показывает, что вербальное отображение кинесической речи занимает существенное место. Количество, место и характер описания жестов во многом подчинены художественным (стилистическим, композиционным и другим) задачам, поставленным автором, или объясняются традиционно выработанными приемами, которым он следует. Обычно изображаются жесты персонажа, реже самого автора, если он выступает как персонаж. Кинесические сообщения, как правило, адресованы в расчете на восприятие собеседников. В художественной литературе словами передается кинесическая речь как совмещенная с вербальной, так и «чистая» (однородная). Совмещенная устно-кинесическая речь бывает смешанной, когда она представляет собой однолинейную последовательность слов-знаков и жестов-знаков (например, *Дай + жест-указание на предмет*), и дублированной, в которой две линии, вербальная и кинесическая, идут параллельно, и один и тот же смысл выражается дважды (например, *Ерунда! + жест-взмах рукой «это не имеет значения»*) [3].

Приведем примеры из испанских художественных текстов с различными способами передачи кинесической речи.

• Собственно кинесическая речь:

— *¿Vas a venir, sí o no? Alcé los hombros y Gándara hizo un gesto despectivo con la mano* (J. Madrid 1)

— Ты придешь, да или нет? Я поднял плечи, а Гандара презрительно махнул рукой (досл. сделал презрительный жест рукой).

• Жест в составе совмещенной смешанной речи:

— *¿Qué significa esto? — le golpeé con los papeles en el rostro. Retrocedió asustado. Había palidecido...* (L. Goytisolo)

— Что это значит? — я ударил его бумагами по лицу.

Он испуганно отступил. Побледнел...

• Жест в составе совмещенной дублированной речи:

— *Te pegaré un tiro en la boca... así... — le metió el caño entre los dientes...* (J. Madrid 2)

— Я выстрелю тебе в рот... вот так... — и он втиснул ему ствол между зубами.

Представляется важным проанализировать формальные средства выражения и особенности отображений кинесических единиц, поскольку их введение и употребление в общей композиционной структуре текста, а также адекватное восприятие, вносят дополнительные смыслы и способствуют соответствующему декодированию и раскрытию авторского замысла. Жесты изображаются как составная часть совмещенной речи (обоих типов), а их переложение преимущественно заключено в рамки «слов автора»:

— *García me cogio por el antebrazo.*

— *Debemos ir a comisaria. Aquí tengo el coche.*

Intenté liberarme, pero la mano del tipo me sujetaba con firmeza (R. Montero).

Гарсия взял меня под руку:

— Мы должны поехать в участок. Машина ждет.

— Я попытался освободиться, но рука этого типа с силой удерживала меня.

Реже оно попадает в «слова персонажа»:

— *Lisardo adelantó los dos brazos y movió las manos.*

— *Mira qué miedo me das, Ugarte. Mira cómo tiemblo...* (J. Madrid 2)

Лисардо вытянул обе руки и зашевелил ими.

— Смотри, какой страх ты на меня наводишь. Смотри, как я дрожу...

Однако уточним, что «слова автора» при передаче обозначаемой им части кинесической речи персонажа не всегда являются высказыванием, действительно принадлежащим писателю. Прямая речь и сопровождающая ее косвенно выраженная жестовая речь, исходя от одного адресанта, составляют информационное целое, расщепленное автором. Это деление неизбежно, так как в художественной литературе не существует приемов прямой передачи жестов. Мы имеем дело с дистантной коммуникацией, опосредованной временной отдаленностью от рассказчика, невозможностью реального участия и наблюдения за взаимодействием коммуникантов, вследствие чего от адресата требуются дополнительные интерпретативные усилия. Таким образом, дистантная коммуникация также является видом не прямой коммуникации, которую В. В. Дементьев определяет как содержательно осложненную, где понимание сказанного включает смыслы, собственно не содержащиеся в высказывании [4].

Кинесическая часть совмещенной речи выражается:

а) Одной вербальной единицей, находящейся среди или около прямой речи: *guinar* — подмигивать, *apretarse* — прижиматься, *inclinarse* — поклониться.

б) Фразеологическим оборотом: *dar a uno con la puerta en la cara* — презирать кого-либо, пренебрегать кем-либо (букв. ударить дверью по лицу).

в) Свободным словосочетанием, в частности, если жест — иконический (эмблематический) знак:

— *Y a continuación hinchó el pecho con sus pectorales tan desarrollados y, cogiéndose la muñeca izquierda con la mano derecha como hacen los luchadores antes de sus combates, pasó a hablarme...* (J. Marías)

— А в продолжение он надул свои хорошо развитые грудные мышцы и, взявшись правой рукой за левое запястье, как это делают борцы перед поединком, заговорил со мной...

г) Специализированной единицей в комбинации с дополнительными вербальными средствами, грамматически зависимыми от нее: *encogerse de hombros* — пожимать плечами), *suspigar hondamente* — глубоко вздыхать и др.

Кинесическая часть совмещенной речи иногда не обозначается в художественной литературе, т. е. при очевидном производстве персонажем невербаль-

ных движений автор воздерживается от их языковой репрезентации. Но это значимое воздержание — передача нулевой формой или прием импликации:

— ... *yo, cuando este malandrin me sedujo y me hizo abandonar a mis pretendientes, tenia una cinturita así, me podía abarcar con las dos manos. Pero los cuatro partos acabaron por ensancharme...* (M. Torres).

— ... у меня, когда этот злодей соблазнил и вынудил бросить остальных претендентов, была вот такая талия, он мог охватить ее двумя руками. Но четверо родов заставили меня растолстеть.

Иногда жест представлен в двух или нескольких предложениях, в том числе расположенных несмежно:

Siguió apretándole la mano. Maroto intentó soltarse, primero lentamente y después con furiosos tirones, pero no pudo. La mujer lo tenía atrapado.

— *Me ha engañado...* — *sollozó con fuerza, y le apretó más la mano.* — *Maroto ahogó un gemido.*

— *Me voy a matar, me voy a tirar por el Viaducto...* (J. Madrid 1).

Она продолжала сжимать его руку. Марото попытался вырваться, сначала слегка, затем с яростной настойчивостью, но не смог.

— Вы меня обманули..., — громко плакала она и еще сильнее сжала его руку. Марото заглушил стон.

— Меня убьют. Меня выбросят с моста...

Carvalho seguía comiendo como si no hablaran con él.

— *Ella la mató.*

La masticacion de Carvalho se hizo más lenta.

— *Lo intuyo. Lo siento aquí.*

La masticacion de Carvalho volvió a su ritmo normal.

— *Es una familia horrorosa.* (M. V. Montalban)

Карвало продолжал есть, как будто разговаривали не с ним.

— Она ее убила.

Жевание Карвало замедлилось.

— Я это чувствую.

Жевание Карвало вернулось в нормальный ритм.

— Это ужасная семья...

Вербальное выражение кинесических средств осуществляется при помощи различных морфологических форм единичных «слов-передатчиков» или «стержневых слов» в «словосочетаниях-передатчиках» [5]. Обычно используются формы прошедшего времени изъявительного наклонения Preterito Indefinido и Imperfecto, что связано с их описательно-повествовательной функцией и делает эти времена наиболее употребительными при изображении жанровых картин, происходящих событий, внешности и поведения персонажей и т. п. [6]:

La hija del banquero extendió un poco teatralmente su índice para indicar a Sergio: — ¡Echelo usted a la calle! (W. F. Florez)

Дочь банкира слегка театралью вытянула указательный палец, чтобы показать на Серхио: — Выбросите его на улицу!;

Le temblaban las manos (R. Montero). — У него дрожали руки.

Реже встречаются формы других времен и наклонений. Настоящее время (Presente) наблюдается в ремарках драматических произведений, при этом его можно рассматривать двояко: во-первых, как Presente actual, когда действие глагола совпадает с актом речи; во-вторых, как Presente historico, которое употребляется для передачи живости рассказа при описании событий, если их требуется актуализировать.

— *No me muevo de este sitio sin el sí. ¡Ay mi zapaterita, dame tu palabra!* (*Va a abrazarla.*)

— Я не сдвинусь с этого места без твоего согласия. Ах, моя башмачница, дай мне слово! (Хочет обнять ее)

— (*Cerrando violentamente la ventana*) *¡Pero qué impertinente, qué loco!...* (F. G. Logca).

— (С силой закрывая окно) Какой негодяй, какой сумасшедший!

Словом-передатчиком или стержнем передающего словосочетания регулярно выступают неличные формы глагола, особенно герундий, который, как правило, с испанского языка переводится русским деепричастием:

Sergio los sobresaltó con su presencia repentina...el joven, palido, cruzo sus brazos ante Federica, asestandole una fiera mirada:

— *¡A casa!... Marchó, acelerando el andar, sin volver la cabeza* (W. F. Flórez).

Серхио напугал их своим внезапным появлением ... молодой человек, бледный, скрестил руки перед Федерикой, устремив на нее свой свирепый взгляд:

— Домой!... Она пошла, ускоряя шаг, не поворачивая головы.

Герундий обладает смежными признаками глагола и наречия, выражает второстепенные действия и характеризует обстоятельства, в которых реализуется главное действие предложения.

Употребление неглагольных морфологических форм, представляющих собой или возглавляющих формы-передатчики кинесических речений в испанском языке, встречается реже. В нижеследующих примерах используются дескрипции со словами-классификаторами, составляющими многочисленный класс оценочных выражений, в данном случае *mirada* (взгляд) и *ojos* (глаза). Определения к ним репрезентируются «оценочным именем» в группе с предлогом *de* — *de curiosidad*; *sin el menor asomo de bienvenida*. По мнению Е. М. Вольф, такие выражения указывают на присутствие экспрессивных элементов, а разновидность речевого акта определяется семантикой пропозиции [7].

— *Era una mirada de curiosidad, como si evaluara lo que había escuchado* (J. Madrid 2).

— Это был любопытный взгляд, словно оценивающий то, что он услышал.

— *Los observaba con unos ojitos grises y acerados, sin el menor asomo de bienvenida* (M. V. Llosa).

— Она наблюдала за ними своими серыми стальными глазами без малейшего проявления радушия.

Особенность оценочного компонента заключается в том, что он может выражаться на различных стадиях повествования и формировать как целые текстовые фрагменты, так и отдельные оценочные вкрапления (элементы) на уровне лексики и фразеологии, экспрессивного синтаксиса, интонации и других паралингвистических средств [8].

Собственно кинесическая речь (отграниченная от вербальной) передается в художественных произведениях словами автора или персонажа лексически и морфологически так же, как и кинесическая часть совмещенной речи. Иногда в описаниях невербального поведения слова производителя жеста не вводятся как стилистически излишние:

— *Elvira las escuchaba sin entrar en la conversación, con los ojos vagando por la repisa de su cuarto. Tenía los pómulos salientes, las manos nudosas. Jugaba sobre su falda negra, quitándose y poniéndose un anillo de aguamarina* (C. M. Gaité).

— Эльвира слушала их, не вмешиваясь в разговор, а взгляд блуждал по комнате. У нее были выступающие скулы и руки с выделяющимися венами. Она теребила свою черную юбку и периодически снимала и надевала кольцо с аквамаринном.

В ряде случаев автор вводит слова, отрицающие вербальную сторону высказывания:

— *Al salir, vio que se iba a cruzar con el padre de Pablo y aceleró el paso, como si tuviera mucha prisa, mientras le dirigía un risueño saludo. El padre de Pablo le contestó con una sonrisa de oreja a oreja, las cejas enarcadas, los ojos brillantes* (L. Goytisolo).

— Выйдя (на улицу — Е. Ю), он увидел, что вот-вот столкнется с отцом Пабло, и ускорил шаг, словно очень спешил, в то же время адресуя тому веселое приветствие. Отец Пабло ответил широкой улыбкой, приподнятыми бровями и блестящими глазами.

Содержание для интерпретации и языкового анализа невербальных средств коммуникации, заключенное в вышеупомянутых формах, представляет интерес для исследователей-лингвистов. По мнению А. В. Филиппова, в случаях вербализации жестового поведения наблюдаются две плоскости (слоя) лексического значения: плоскость поверхностного лексического (часто суммарного) значения (обозначение моментов физического производства жеста) и плоскость глубинного значения, свойственного жесту как прямому знаку [9]. Так, в описании ситуации:

— *Doña Rosa opinó: — No debe usted jugar. Él hizo un mohín* (W. F. Flórez).

— Донья Роса высказалась: — Вы не должны играть. Он поморщился. выражение *hizo un mohín* обозначает: 1) определенным образом сдвинул части лица и 2) выразил недовольство.

В следующем примере слова *se había llevado el índice a los labios* передают реализацию самого действия (положение указательного пальца перпендикулярно сомкнутым губам) и коммуникативного намерения — призвать к тишине, молчанию:

— *Sssh... María se había llevado el índice a los labios. Entornaron la puerta y se acurrucaron en una esquina, muy oscura* (M. Casariego).

— Тсс... Мария поднесла указательный палец к губам. Они прикрыли дверь и притаились в углу, очень темном.

Поверхностное значение форм-передатчиков жестов обычно: 1) имеется, подразумевается и 2) выражается непосредственно. Оно не всегда отражает полноту и детали производства кинемы. Тогда адресат представляет его себе более-менее определенно или догадывается о нем:

— *Sintiéndose observado por Macarena Bruner, Quart hizo un ademán conciliado*.

— Чувствуя, что Макарена Брунер наблюдает за ним, Куарт сделал примирительный жест.

— *Quart hizo un leve gesto de asentimiento y esperó sin hacer preguntas ni mostrar impaciencia* (A. Pérez-Reverte).

— Куарт сделал легкий жест одобрения и ожидал, не задавая вопросов, ни проявляя беспокойства.

Также встречаются описания определенной фазы или нескольких фаз в движении-кинеме:

— *Pablo le tomó una mano*.

— *Tú estas loco. Maica liberó su mano sin dificultad mientras se incorporaba. Los camareros les miraban sin ocultar ya su interes*.

— *Podéis hacerme lo que os apetezca, lo aceptaré todo, os obedeceré... — dijo Pablo, intentando sin éxito volver a tomarle la mano* (L. Goytisolo).

— Пабло взял ее руку.

— Ты сумасшедший. Маика без труда высвободила руку, поднимаясь. Официанты смотрели на них, не скрывая свой интерес.

— Вы можете сделать со мной все, что захотите, я все приму, я вам подчинюсь... — сказал Пабло, безуспешно намереваясь снова взять ее за руку.

При забвении жеста или его незнании поверхностное значение репрезентирующей его формы в разной степени утрачивается или остается не понятым читателями.

Глубинное лексическое значение слов-передатчиков невербальных компонентов присутствует всегда. Оно выражается теми же формальными средствами, что и поверхностное. Если это специализированные единицы, тогда глубинное значение эксплицитное:

— *¿Ya sabes quién era el «alguien» que te esperaba? — le dijo Adolfo... Farraluque contestó alzando los hombros (J. L. Lima).*

— Ты уже знаешь, кем был «некто»; кто тебя ждал? — сказал ему Адольфито. Фарралуке ответил, пожав плечами.

Если это свободные словосочетания или слова, служащие обычно прямыми знаками, — тогда оно имплицитное:

Señor Padre movía la cabeza de derecha a izquierda (M. Rodoreda).

Сеньор Padre покачал («подвигал») головой справа налево.

Не вполне ясно из контекста, является ли выражение *movía la cabeza de derecha a izquierda* признаком несогласия, досады, недовольства и т. п.

Выделим ряд примеров, когда глубинное значение выражено не только специализированной единицей и кинесическими речениями, но и дополнительными словами, вводимыми писателем с целью пояснения и избежания неправильного толкования кинем, в частности, если жест — ситуативный знак:

Foción un poco aturdido por la irrupción, le dio la mano a Cemí, pero un tanto emocionado no le sacaba los ojos del rostro.

— *Después de las vacaciones de diciembre, nos volveremos a encontrar, ojala sea aquí mismo.*

Dile a Fronesis que me alegre por su ausencia — al decir eso le guiñó el ojo a Cemí, dándole a entender que lo que le decía era mentira (J. L. Lima).

Фосьон слегка пораженный вторжением, протянул руку Семи, но сильно впечатленный, не сводил глаз с его лица.

— После декабрьских каникул мы снова встретимся, дай Бог, здесь же. Передай Фронезису, что я был рад его отсутствию, — говоря это, он подмигнул Семи, давая понять, что сказанное было ложью.

Приведем несколько примеров других способов уточнения. Среди них те, которые:

- вводятся сочетаниями *en son / en señal* (в знак; как знак чего-либо)

Un día miro a todos en señal de reto y soltó:

— *Julio es especialista en suicidios (J. M. Gironella).*

Однажды он посмотрел на всех с выражением угрозы (досл. «в знак угрозы») и произнес:

— Хулио — специалист по самоубийствам.

- представляют сравнительные обороты *como / como si / igual que* (как; как будто (словно); подобно тому, как)

— *Príamo Ferro miró a Quart de un modo singular, como no lo había hecho nunca hasta entonces (A. Pérez-Reverte).*

— Приамо Ферро посмотрел на Куарта по-особому, как никогда не делал этого прежде;

— *El Único alzó los dos índices como si le dispusiera a dar inicio a un concierto...*

(J. Marias).

— Эль Унико поднял оба указательных пальца, как будто намеревался положить начало концерту.

- являются (одно-) двухсловными составляющими, как например, испанские наречия *sonreía abiertamente (широко улыбался), furtivamente (скрыто);*

или существительные с предлогами *miró con desprecio* (смотрел с презрением), *sin entusiasmo* (без воодушевления).

Случается, что глубинное значение в силу разных причин (в т. ч. устаревание жеста) не осознается читателями. Тогда они не понимают, что перед ними описание жеста, или недоумевают, в чем его сущность. В результате этого появляются обычные фразеологические обороты: *lavarse las manos* (умыть руки), *entrar a uno por el ojo derecho* (нравиться кому-либо), *dar entre ceja y ceja a uno* (говорить правду в глаза).

Иногда на обе плоскости лексического значения (поверхностного и глубинного) налагается коннотация:

— *Dirigió a su sobrina una mirada penetrante; y acompañándolas de la acción correspondiente, profirió estas palabras: — Yo me lavo las manos* [10].

— Она направила на племянницу свой пронизывающий взгляд; и, сопровождая слова соответствующим действием, произнесла: — Я умываю руки.

Коннотативное значение форм, репрезентирующих невербальные компоненты коммуникации, содержится и в жестах, и в словах.

В заключение отметим, что представленный анализ является попыткой рассмотрения языковой репрезентации испанского жестового коммуникативного взаимодействия. Существует множество разных вербальных способов передачи кинесики. Невербальные компоненты коммуникации и речения, описывающие их в художественной литературе, довольно вариативны в испанском языке. Выбор средств вербализации зависит от автора произведения, его интенции и замысла. Процесс декодирования описываемого невербального поведения коммуникантов осуществляется адресатами (читателями) в соответствии с их языковой компетентностью, что подтверждает актуальность изучения данной проблематики для адекватного приема информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сапожникова О. С. Разговорная речь в коммуникативной структуре художественного текста (на материале французского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 / О. С. Сапожникова. М.: МПГУ, 2002. 32 с.
2. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. М.: Новое литер. обозрение, 2002. 581 с.
3. Филиппов, А. В. Жесты и их отображение в тексте художественного произведения / А. В. Филиппов // Сб. трудов Мин-ва просвещения РСФСР. М.: МОПИ, 1975. Вып. 4. С. 185-195.
4. Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. статей / Отв. ред. В. В. Дементьев. Саратов : Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 2003. С. 5-15.
5. Филиппов А. В. Цит. раб. С. 189.
6. Виноградов В. С. Грамматика испанского языка : практический курс: учеб. пособие / В. С. Виноградов. М.: Высш. школа, 1990 432 с.
7. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
8. Борисова И. Н. Нарратив как диалогический жанр / И. Б. Борисова // Жанры речи : сборник научных статей. Саратов : Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 245-262.
9. Филиппов А. В. Цит. раб. С. 191.
10. Курчаткина Н. Н. Фразеология испанского языка: учеб. пособие / Н. Н. Курчаткина А. В. Супрун. М.: Высш. школа, 1981. 144 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Casariego — Casariego, M. La hija del coronel. Santander: Espasa Calpe, S. A., 1999.
2. Flórez — Florez, W. F. Volvoreta. Navarra : Estella, S. A., 1982.
3. Gaité — Gaité, C. M. Entre visillos. Barcelona : Ediciones Destino Áy Delfín, 1997.

4. *Gironella* — Gironella, J. M. Los cipreses creen en Dios. Madrid: BIBLIOTEX, S. L., 2001.
5. *Goytisolo* — Goytisolo, L. Placer licuante. Madrid: Santillana, S. A., 1999.
6. *Lima* — Lima, J. L. Paradiso. México : BIBLIOTEX, S. L., 2001.
7. *Lorca* — Lorca, F. G. Teatro de cámara. Managua: Nueva Nicaragua, 1983.
8. *Llosa* — Llosa, M. V. Una historia no oficial. Madrid: Espasa Calpe, S. A., 1999.
9. *Madrid 1* — Madrid, J. Mujeres & mujeres. Madrid: Alfaguara, 1996.
10. *Madrid 2* — Madrid, J. Dias contados. — Madrid: Alfaguara, 1998.
11. *Marías* — Marías, J. Mañana en la batalla piensa en mí. Madrid: Santillana de Ediciones, S. A., 1999.
12. *Montalbán* — Montalbán, M. V. Los mares del sur. Madrid: Bibliotex, S. L., 2001.
13. *Montero* — Montero, R. La hija del caníbal. Madrid: Espasa Calpe, S. A., 1999.
14. *Pérez-Reverte* — Pérez-Reverte, A. La sombra del aguila. Barcelona: RBA Coleccionables, S. A., 1999.
15. *Rodoreda* — Rodoreda, M. Mi Cristina. El mar. Madrid: Alianza Cien, 1994.
16. *Torres* — Torres, M. Un Calor Tan Cercano. Barcelona: RBA Coleccionables, S. A., 1999. 191 p.

Светлана Викторовна ШУСТОВА —
зав. кафедрой иностранных языков
Прикамского социального института,
кандидат филологических наук, доцент

УДК 410 (047)

ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основные принципы выделения лексико-грамматического разряда каузативных глаголов немецкого и английского языков. В центре внимания исследования находится лексический каузатив. Общепризнанные лексико-грамматические критерии выделения каузативных глаголов отсутствуют, в связи с этим и возникает необходимость их разработки.

The present article dwells upon the main principles of lexicogrammatical class distribution of causative German and English verbs. Lexical causativeness is in the centre of our attention. In present time universally recognized lexicogrammatical criteria of causative verbs distribution do not exist and because of this the necessity of their development arises.

Термин «каузатив», или чаще «каузативный глагол», появился в научных изысканиях более столетия назад. В. Дельбрюк, К. Бругман, А. Мейе рассматривали каузативные глаголы как исторически производные, а каузативность — как глагольную категорию, имевшую морфологический (суффиксальный) способ выражения [1, 2, 3, 4]. Исследователи нефлективных языков (например, японского) выявляли «морфологический каузатив» на материале современной системы языка. Каузативом японисты называют такой глагол, в котором элемент К (каузация) выражен специальным аффиксом. Глагол относится к разряду каузативных, если существует его некаузативный противочлен. Непарные в рамках морфологии каузативные глаголы представлены в классификации каузативов Н. Д. Арутюновой. Каузативные отношения характеризуются и разграничиваются «с точки зрения участия в каузативных отношениях лиц и событий» [5]. Е. Я. Гордон считает, что каузативным является «глагол, имеющий соотносительный некаузативный коррелят и означающий побуждение к совершению действия или к изменению состояния, признака или качества». Глаголы типа «побуждать», «заставлять», «разрешать», семантика которых ха-